

БАЖАНОВ Сергей Андреевич,
ведущий научный сотрудник отдела
по совершенствованию нормативно-правового регулирования
деятельности уголовно-исполнительной системы центра
изучения проблем управления и организации исполнения наказаний
в уголовно-исполнительной системе ФКУ НИИ ФСИН России,
e-mail: sergey.bazhanov62@yandex.ru;

РЕСОЦИАЛИЗАЦИЯ ОСУЖДЁННЫХ В ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ УСЛОВИЯХ ЧЕРЕЗ ТРУДОВУЮ ЗАНЯТОСТЬ И ПРОФЕССИОНАЛЬНУЮ ПОДГОТОВКУ

Аннотация. В статье рассматривается ресоциализация осуждённых к лишению свободы через труд и профессиональное обучение как взаимосвязанный комплекс правовых, организационных и педагогических воздействий, обеспечивающих формирование у осуждённых социально одобряемых трудовых установок, профессиональной идентичности, компетенций и навыков законопослушного поведения. Обосновано, что труд в местах лишения свободы обладает не только экономической, но и выраженной воспитательной (педагогической) функцией, однако при определённых условиях может утрачивать ресоциализационный потенциал и превращаться в формальную занятость либо фактор вторичной маргинализации. Профессиональное обучение анализируется как ключевой механизм повышения конкурентоспособности осуждённых на рынке труда после освобождения и как средство реконструкции жизненных стратегий, снижая влияние криминогенной среды и повышая субъективный контроль над будущим. На основе сопоставления российских нормативных требований и международных стандартов раскрыты принципы «нормализации», непрерывности помощи («continuum of care»), индивидуализации программ и ориентации на результаты. Использованы данные зарубежных метаанализов и систематических обзоров эффективности тюремного образования и профессиональной подготовки в контексте снижения рецидива и роста занятости после освобождения; показана зависимость эффекта от качества дизайна программ, отбора участников, «дозы» обучения, признания квалификаций и связей с работодателями. Предложены конкретные направления повышения результативности трудовой и образовательной политики в УИС: интеграция оценки рисков и потребностей в индивидуальные планы, модульные программы с отраслевой сертификацией, развитие наставничества, расширение партнёрств с бизнесом и службами занятости, обеспечение достойных условий труда и справедливой мотивации.

Ключевые слова: ресоциализация; уголовно-исполнительная система; труд осуждённых; профессиональное обучение; трудовая адаптация; рецидив; постпенитенциарное сопровождение; занятость после освобождения.

BAZHANOV Sergey Andreevich,
Researcher, Department for Improving the Legal Regulation
of the Activities of the Criminal Executive System of the Center
for the Study of Management Problems and the Organization
of the Execution of Sentences in the Criminal Executive System
Federal Government Research Institute of the Federal Penitentiary
Service of Russia

RESOCIALIZATION OF CONVICTED PERSONS IN PENITENTIARY SETTINGS THROUGH WORK ENGAGEMENT AND VOCATIONAL TRAINING

Annotation. The article examines resocialization of incarcerated persons through prison work and vocational education as an integrated set of legal, organizational and pedagogical interventions aimed at

developing prosocial work attitudes, professional identity, competencies and lawful behavior. It is argued that prison labor has not only economic but also educational value; however, under certain conditions it may lose its resocializing potential and become mere formal employment or even a driver of secondary marginalization. Vocational education is analyzed as a key mechanism for increasing post-release employability and for reconstructing life strategies by reducing the influence of the criminogenic environment and strengthening personal agency. By comparing Russian regulatory requirements with international standards, the paper highlights the principles of normalization, continuity of care, individualization and outcomes orientation. Evidence from major meta-analyses and systematic reviews is used to discuss the impact of correctional education and vocational training on recidivism and employment outcomes, while emphasizing the role of program quality, selection bias, dosage, credential recognition and employer engagement. The paper offers practical directions for improving labor and educational policy in prisons: embedding risk/needs assessment into individualized plans, implementing modular industry-recognized training, expanding mentoring, strengthening partnerships with employers and employment services, and ensuring decent and ethically compliant working conditions.

Key words: *resocialization; penitentiary system; prison labor; vocational education; work adaptation; recidivism; reentry support; post-release employment.*

В современной уголовно-исполнительной политике ресоциализация осуждённых рассматривается не как декларативная цель, а как измеримый результат исполнения наказания, выражающийся в снижении повторной преступности, восстановлении социальных связей и устойчивой легальной занятости после освобождения. В российской модели исполнения наказаний труд и профессиональное обучение закреплены как значимые средства исправления и подготовки к жизни на свободе, при этом их реализация должна соответствовать не только внутренним задачам режима, но и критериям социальной эффективности. Нормативный каркас в России задаётся положениями Уголовно-исполнительного кодекса РФ, предусматривающими обязанность привлечения осуждённых к труду и возможности профессиональной подготовки с учётом потребностей производства и личности осуждённого, а также требованиями к условиям и организации труда в исправительных учреждениях [1]. Однако юридическое закрепление само по себе не гарантирует ресоциализационного эффекта: труд может стать как каналом включения осуждённого в социально одобряемые роли, так и источником фрустрации при отсутствии справедливой мотивации, реального профессионального роста и перспектив трудоустройства.

Сопоставление российских практик с международными стандартами важно по двум причинам. Во-первых, современные международные документы фиксируют целеполагание лишения свободы как сокращение рецидива через подготовку к освобождению и реинтеграцию; во-вторых, они задают минимальные рамки допустимости труда заключённых (недопущение эксплуатации, обеспечение безопасности, разумная мотивация, доступ к обучению и занятости как к «осмысленной деятельности»). Европейские тюремные правила прямо указывают, что управ-

ление местами лишения свободы должно быть организовано так, чтобы облегчать реинтеграцию в свободное общество, а жизнь в тюрьме - насколько возможно приближаться к позитивным сторонам жизни в обществе, включая трудовую занятость и программы подготовки к освобождению [2]. В «Правилах Нельсона Манделы» подчёркивается, что цели лишения свободы - защита общества и сокращение рецидива - достигаются лишь при использовании срока заключения для реинтеграции осуждённого, позволяющей ему вести законопослушный и самостоятельный образ жизни после освобождения [3]. УНП ООН в «Дорожной карте» по тюремным программам реабилитации систематизирует аргументы в пользу инвестиций в образование, профессиональную подготовку и работу в местах лишения свободы, связывая их с общественной безопасностью и снижением повторной преступности, а также фиксируя управленческие условия результативности - стратегию, диагностику потребностей, качество программ и мониторинг [4]. Эти ориентиры применимы и в российской действительности, поскольку позволяют перейти от «учёта занятости» к управлению результатами ресоциализации.

Ресоциализация через труд предполагает формирование у осуждённого устойчивого комплекса: (а) трудовых компетенций (профессиональных и общетрудовых), (б) ценностно-нормативных установок (ответственность, дисциплина, соблюдение правил, ориентация на легальный доход), (в) социально-коммуникативных навыков (кооперация, подчинение и распределение ролей, разрешение конфликтов), (г) саморегуляции и планирования (постановка целей, контроль импульсов, отсроченное вознаграждение). В педагогическом смысле трудовая деятельность в местах лишения свободы - это не «натуральная» занятость, а организованная образовательная

среда: она должна проектироваться как пространство контролируемого освоения социальных ролей и профессиональных практик. Отсюда ключевое требование - педагогизация труда: включение в трудовую занятость элементов обучения, наставничества, оценивания прогресса, поощрения, формирование рефлексии результатов, а также связка с профессиональным обучением и последующим трудоустройством.

Правовой статус труда осуждённых в России содержит внутреннее напряжение между обязанностью трудиться и обязанностью администрации обеспечить возможность труда, достойные условия и соответствие требованиям охраны труда. В научной литературе по организации труда в УИС подчёркивается, что продуктивная занятость является трудной управленческой задачей: экономические циклы, слабая диверсификация производственного сектора, ограниченность заказов и конкуренция на рынках приводят к рискам «пенитенциарной безработицы» и формализации трудовой функции [7]. При этом формальная занятость снижает воспитательный эффект: если труд не даёт осуждённому опыта достижений, признания, профессионального роста и справедливого вознаграждения, то он перестаёт выступать механизмом «переобучения» жизненных сценариев и может закреплять цинизм по отношению к легальному труду.

В этой связи профессиональное обучение приобретает роль «усилителя» ресоциализационного потенциала труда. Принципиально важно, что профессиональная подготовка в местах лишения свободы должна быть ориентирована не на внутренние потребности учреждения как закрытой системы, а на требования внешнего рынка труда и признание квалификаций после освобождения. С точки зрения криминологической профилактики именно легальная занятость и стабильный доход являются одним из наиболее воспроизводимых факторов десистемности, однако выход на рынок труда для бывших осуждённых осложнён дефицитом образования, отсутствием стажа, стигматизацией и практическими барьерами (документы, жильё, здоровье, долги). Следовательно, профессиональное обучение в пенитенциарных условиях должно решать минимум три задачи: компенсаторную (ликвидация дефицитов базовой грамотности и общих навыков), квалификационную (получение профессии/разряда/сертификата) и адаптационную (подготовка к реальному трудоустройству, включая навыки поиска работы и удержания рабочего места).

Российская научная традиция, анализируя образование осуждённых, подчёркивает необходимость правового и организационного обеспечения доступности обучения и его согласования с

режимными требованиями, а также связь обучения с исправлением и подготовкой к освобождению [5]. В педагогическом измерении образование осуждённых является механизмом «пересборки» жизненной траектории: оно повышает субъективную самооценку, расширяет горизонт планирования и создаёт альтернативу криминальной идентичности. Однако для реализации этого потенциала обучение должно быть включено в систему индивидуального планирования отбывания наказания и постпенитенциарного сопровождения, что соответствует международному принципу непрерывности помощи («continuum of care») [4].

Организационно связка «труд - профессиональное обучение - трудоустройство» требует управленческого цикла, включающего диагностику, планирование, реализацию, оценивание и коррекцию. Диагностика должна охватывать не только формальные признаки (образование, опыт работы, наличие профессии), но и дефициты, влияющие на трудовую устойчивость: навыки саморегуляции, способность к длительной концентрации, коммуникативные проблемы, зависимое поведение, когнитивные и мотивационные барьеры. На практике это означает, что назначение осуждённого на работу и направление на обучение должны опираться на индивидуальную оценку потребностей и рисков, а не только на «вакансии» внутри учреждения. Международные исследования эффективности коррекционных вмешательств подчёркивают, что программы оказываются результативнее, когда соответствуют принципам риск-потребности-восприимчивости (risk-need-responsivity), то есть ориентируются на уровень риска, адресуют криминогенные потребности и учитывают особенности обучаемости и мотивации [12]. Для трудовых и образовательных программ в УИС это означает необходимость различать как минимум три группы: (1) осуждённые с базовым дефицитом образования и низкой трудовой дисциплиной; (2) осуждённые с наличием профессии, но низкой легальной включённостью и слабой «карьерной» мотивацией; (3) осуждённые с устойчивыми профессиональными навыками, для которых критичны барьеры стигмы и постпенитенциарного сопровождения. Унифицированная «средняя» программа не способна дать одинаковый эффект для этих групп.

Содержательно пенитенциарное профессиональное обучение должно строиться по принципам андрагогики: учёт взрослой мотивации, опора на жизненный опыт (в том числе отрицательный), практикоориентированность, модульность и видимость результата. В условиях лишения свободы особенно важны короткие образовательные циклы с промежуточной аттестацией и

выдачей документов, поскольку сроки наказания и перевод между учреждениями могут разрушать длинные траектории обучения. Модульные программы позволяют создавать «накопительную» квалификацию: осуждённый может завершить один модуль (например, базовая безопасность труда и первичные навыки), затем следующий (операторское мастерство), далее - специализацию. Такой подход повышает вероятность завершения обучения и снижает потери от организационных разрывов.

Критическим вопросом является признание результатов обучения и их «конвертация» в трудоустройство после освобождения. Если полученная в местах лишения свободы квалификация не признаётся работодателями, либо не соответствует актуальным отраслевым стандартам, то образовательный эффект остаётся внутренним и не превращается в социальный результат. Поэтому необходима привязка программ к отраслевым стандартам, внешняя сертификация (по возможности - независимая), а также практики взаимодействия с работодателями ещё до освобождения. Международные рекомендации подчёркивают значимость вовлечения внешних партнёров и гражданского общества в тюремную жизнь и подготовку к освобождению [2], а «Дорожная карта» УНП ООН предлагает рассматривать образование, профессиональную подготовку и работу как единый блок тюремных программ, требующий партнёрства с внешними институтами [4].

Эмпирическая база зарубежных исследований даёт важные ориентиры, но требует аккуратной интерпретации с учётом различий в системах наказаний и рынках труда. Классический метаанализ, включивший коррекционно-образовательные, профессиональные и трудовые программы, показал статистически значимое снижение рецидива у участников по сравнению с неучастниками, а также улучшение показателей занятости после освобождения [8]. Более поздний и масштабный метаанализ RAND, выполненный по заказу Министерства юстиции США, пришёл к выводу о снижении вероятности рецидива у участников коррекционного образования: оценка выражалась в существенно меньших «шансах» рецидива, а также в повышении вероятности трудоустройства после освобождения; одновременно авторы указали на зависимость эффекта от качества исследований и дизайна программ [9]. В отчёте WSIPP, обобщающем доказательства по взрослым коррекционным программам, образование и профессиональная подготовка рассматриваются как потенциально результативные направления при условии внедрения «доказательных» практик и отказа от неэффективных подходов [10].

В то же время современная литература фиксирует и ограничения «оптимистической» интерпретации: часть эффектов может объясняться селекцией (в программы чаще попадают более мотивированные и дисциплинированные осуждённые). Исследование, анализировавшее результаты профессионального обучения с использованием методов, снижающих наблюдаемую селекцию (*propensity score matching*), показало отсутствие различий по ряду показателей рецидива и занятости между получившими профессиональные сертификаты и сопоставимой контрольной группой; автор подчёркивает важность контроля селекции и рекомендует интеграцию карьерно-ориентированных программ с принципами RNR и непрерывности поддержки [11]. Этот результат принципиален: он означает, что сам по себе факт обучения не является «универсальным лекарством», а эффект зависит от того, какой именно компонент программы влияет на поведение - повышение компетенций, изменение установок, социальные связи с наставниками и работодателями, либо структурирование времени и дисциплина. Следовательно, для повышения эффективности в УИС необходима декомпозиция программ на активные компоненты и настройка «механизмов действия», а не только расширение охвата.

С учётом приведённых данных можно выделить условия, при которых труд и профессиональное обучение действительно работают как инструменты ресоциализации.

Во-первых, трудовая занятость должна быть «осмысленной» и развивающей. Под осмысленностью следует понимать наличие понятного результата, требований к качеству, обратной связи и возможности роста. Если труд сводится к примитивным операциям без перспективы освоения навыков, то он не формирует профессиональной идентичности и не повышает конкурентоспособность после освобождения. Внутренне тюремное производство часто структурировано под краткосрочные заказы и режимные ограничения, что затрудняет обучение современным профессиям. Выходом может быть диверсификация: сочетание производственных участков (где осваиваются базовые навыки дисциплины и безопасности) с учебно-производственными мастерскими (где реализуется модульное обучение и квалификационная аттестация). При этом важно обеспечить связку с реальными отраслями региона, иначе выпускники оказываются «переобученными» под внутренний рынок учреждения.

Профессиональное обучение должно включать не только «жёсткие» профессиональные навыки, но и общие навыки трудовой устойчивости: пунктуальность, коммуникация, разрешение

конфликтов, соблюдение инструкций, элементарная финансовая грамотность, навыки поиска работы, прохождения собеседований и взаимодействия с государственными сервисами. Эти компоненты напрямую связаны с постпенитенциарной адаптацией, а их дефицит часто становится причиной срыва трудоустройства даже при наличии профессии. Здесь педагогическая задача состоит в формировании «метакомпетенций» - способности учиться и переучиваться, что особенно важно при нестабильном рынке труда.

В-третьих, мотивация к труду и обучению должна строиться на сочетании внешних и внутренних стимулов. Внешние стимулы включают справедливую и понятную систему оплаты, поощрения за квалификационный рост, возможность накоплений для периода после освобождения, а также прозрачные правила распределения работ и обучения. Внутренние стимулы формируются через опыт успеха, признание достижений (сертификаты, разряды, публичное поощрение), ощущение контроля над жизненной траекторией. На уровне педагогического дизайна это предполагает индивидуальные цели, фиксацию прогресса и регулярную обратную связь.

В-четвёртых, соблюдение правовых и этических стандартов является не внешним «ограничителем», а условием эффективности. Эксплуатационные практики и небезопасные условия труда подрывают доверие к легальному труду как социальной ценности и могут усиливать отчуждение. Международные стандарты требуют, чтобы режим исполнения наказания не усугублял страдания, присущие лишению свободы, и обеспечивал подготовку к реинтеграции [2], а «Правила Нельсона Манделы» связывают сокращение рецидива с реинтеграцией и самостоятельной жизнью после освобождения [3]. Из этого следует, что «дешёвый труд» как самоцель противоречит ресоциализационной функции: экономическая эффективность тюремного производства должна быть сбалансирована с образовательной и социальной эффективностью.

В-пятых, необходимо обеспечивать преемственность между тюремными программами и постпенитенциарными сервисами. Без сопровождения после освобождения даже качественное обучение может не привести к трудоустройству из-за барьеров документов, жилья, здоровья, долгов и стигмы. «Дорожная карта» УНП ООН предлагает рассматривать реабилитацию как процесс, выходящий за пределы тюрьмы, и включает мониторинг и оценку программ, а также взаимодействие с внешними структурами [4]. Для российской практики это означает необходимость устойчивых каналов взаимодействия с центрами занятости, НКО, социальными служ-

бами и работодателями, а также механизмов «тёплой передачи» (например, предварительное согласование вакансий, стажировок, наставников до даты освобождения).

Предложенные условия могут быть конкретизированы в виде управленческих и педагогических решений, ориентированных на результат.

Одним из базовых решений является внедрение индивидуальных планов ресоциализации, где труд и обучение выступают центральными блоками, а не «дополнительной активностью». План должен включать: диагностический профиль (образование, опыт, риски, барьеры), краткосрочные цели (получение базовой квалификации, завершение модуля, освоение трудовой дисциплины), среднесрочные цели (отраслевой сертификат, производственная практика), а также постпенитенциарные шаги (подготовка документов, контакты с работодателями, привязка к месту проживания). Встраивание такой логики требует междисциплинарной команды: сотрудники воспитательной службы, специалисты по обучению, производственный сектор, психолог, социальный работник. Именно междисциплинарность позволяет избежать ситуации, когда производство преследует только план выпуска продукции, а образовательный блок - только формальный «выпуск» без трудоустройства.

Второе решение - переход от «закрытых» профессий к рыночно релевантным компетенциям. Практически это означает: (а) регулярный анализ вакансий регионального рынка труда; (б) выбор профессий с низким порогом входа и возможностью роста (строительные, ремонтные, логистические, сервисные специальности, базовые ИТ-навыки, производственные рабочие профессии); (в) внедрение коротких курсов, дающих быстрое трудоустройство, с последующей возможностью повышения квалификации; (г) развитие цифровой грамотности как универсального навыка. При этом важно учитывать правовые ограничения на доступ бывших осуждённых к отдельным видам деятельности, чтобы не инвестировать ресурсы в заведомо закрытые для них сферы.

Третье решение - использование модели наставничества, сочетающей профессиональное обучение и воспитательное влияние. Наставник в тюремном производстве - не только «мастер», но и педагогический агент, транслирующий нормы профессиональной культуры: ответственность за результат, соблюдение стандартов, уважение к коллегам, безопасность труда. Наставничество снижает влияние криминальной субкультуры на производственной площадке и формирует альтернативные референтные связи. Для институционализации наставничества необходимы крите-

рии отбора наставников, обучение педагогическим навыкам и система поощрения за результаты обучающихся.

Четвёртое решение - развитие партнёрств с работодателями, включая элементы государственно-частного взаимодействия в производственном секторе. Научные публикации по проблемам организации труда в УИС подчёркивают перспективность модернизации производственного сектора и преодоления рисков занятости через управленческие меры, в том числе связанные с повышением эффективности трудоустройства с учётом квалификации и образования осуждённых [7]. В практике это может включать: создание совместных производственных участков, участие работодателей в разработке программ обучения, предоставление оборудования, проведение аттестации и собеседований до освобождения, а также «гарантированные интервью» для выпускников программ. Партнёрства повышают вероятность того, что навыки будут востребованы, а сертификаты - признаны.

Пятое решение - обеспечение справедливой и стимулирующей модели оплаты и накоплений, не сводимой к символическим выплатам. С педагогической точки зрения вознаграждение является элементом обучения: оно формирует связь «легальный труд - легальный доход - легальные жизненные цели». Если эта связь не формируется, то криминальная экономическая рациональность может сохраняться. При этом материальная мотивация не должна подменять воспитательную функцию: важны также нематериальные стимулы - статус квалифицированного работника, доступ к более сложным видам труда, доверие, расширение самостоятельности в пределах режима, признание достижений.

Шестое решение - встраивание мониторинга и оценки эффективности программ в управленческий контур. Международные источники подчёркивают необходимость оценки не только охвата, но и результатов (рецидив, занятость, устойчивость трудоустройства, участие в легальных доходах) и качества реализации программ [4]. При этом, учитывая выводы о селекционных эффектах, оценка должна по возможности использовать квазиэкспериментальные дизайны, сопоставимые группы, анализ различий по профилям риска и потребностей. Даже если полноценные научные исследования затруднены, минимальный стандарт - это сбор данных о завершении программ, получении документов, трудоустройстве после освобождения (в том числе через взаимодействие со службами занятости) и причинах неуспеха.

Особого внимания требует педагогический риск «двойного разрыва»: разрыва между обуче-

нием и работой внутри учреждения и разрыва между тюремными навыками и требованиями внешней среды. Первый разрыв возникает, когда обучение существует автономно от производственной практики: осуждённый «учится» формально, но не закрепляет навыки в реальном труде. Второй разрыв возникает, когда работа и обучение ориентированы на внутренние процессы учреждения, а на свободе эти навыки не востребованы. Преодоление обоих разрывов требует проектирования образовательных траекторий как «переходов»: от учебной мастерской - к производственной практике, от практики - к внешнему стажированию/контактам, от контактов - к трудоустройству.

Также необходимо учитывать, что труд и обучение могут иметь разные эффекты для разных категорий осуждённых. Для осуждённых с дефицитом базового образования первичным становится устранение барьеров грамотности и базовой трудовой дисциплины; для них профессиональная подготовка должна начинаться с «предпрофильного» уровня, иначе высок риск неуспеха и демотивации. Для осуждённых с устойчивой криминальной идентичностью важным становится компонент изменения установок и окружения: трудовая и образовательная среда должна создавать альтернативные референтные группы и опыт легального успеха. Для осуждённых, близких к освобождению, особую роль играет подготовка к трудоустройству и постепенная логистика: документы, связь с работодателем, транспорт, жильё. Именно дифференциация программ повышает вероятность эффекта, что согласуется с принципами риск-потребности-восприимчивости [12].

Наконец, следует подчеркнуть, что ресоциализация через труд и профессиональное обучение - это не узко ведомственная задача, а межсекторальная политика. Тюремная система может обеспечить обучение и первичную трудовую социализацию, но устойчивое снижение рецидива требует включения муниципальных и региональных институтов, рынка труда и социальной инфраструктуры. Международные стандарты прямо ориентируют на сотрудничество с внешними социальными службами и вовлечение гражданского общества [2]. В российских условиях это означает необходимость институционально закреплённых механизмов взаимодействия: соглашения с работодателями, участие региональных служб занятости в подготовке к освобождению, программы социального сопровождения и поддержка документов. Чем короче «путь» от выпуска из программы в колонии до первого легального рабочего дня на свободе, тем выше вероятность закрепления результата обучения и труда в десистентной траектории.

Заключение. Труд и профессиональное обучение в местах лишения свободы обладают значительным потенциалом ресоциализации, однако этот потенциал реализуется только при переходе от формального учёта занятости и «выпуска по программам» к управлению социальными результатами: снижением рецидива, устойчивой легальной занятостью и восстановлением социальной субъектности осуждённых. Российский нормативный каркас закрепляет труд и профессиональную подготовку как важные инструменты исправления, но практическая эффективность зависит от наличия рабочих мест, качества производственной базы, справедливой мотивации и внешней релевантности получаемых квалификаций [1; 7]. Международные стандарты и рекомендации задают принципиальные ориентиры: тюремный режим должен облегчать реинтеграцию, предоставляя осмысленные виды деятельности и программы подготовки к освобождению [2; 3], а образование, профессиональная подготовка и работа должны рассматриваться как единый блок реабилитационных мер, опирающийся на диагностику, стратегию, партнёрства и оценку результатов [4]. Данные зарубежных мета-анализов свидетельствуют о вероятном снижении рецидива и росте занятости среди участников программ, но одновременно указывают на методологические ограничения и роль селекции; отдельные исследования, контролирующие наблюдаемую селекцию, демонстрируют отсутствие эффекта, что требует акцента на качестве дизайна программ и активных механизмах воздействия [8–11]. В качестве ключевых направлений повышения результативности обоснованы: индивидуализация трудовых и образовательных траекторий на основе оценки рисков и потребностей; модульные программы с внешне признаваемой сертификацией; педагогизация труда через наставничество и оценку прогресса; развитие партнёрств с работодателями и службами занятости; обеспечение этически и правово корректных условий труда; создание непрерывной цепочки «обучение - практика - трудоустройство - сопровождение». Реализация указанных мер позволяет рассматривать труд и профессиональное обучение не как вспомогательные элементы режима, а как центральные инструменты достижения цели наказания - подготовки осуждённого к законопослушной и самостоятельной жизни после освобождения.

Список литературы:

[1] Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 08.01.1997 № 1-ФЗ : принят Гос. Думой 18.12.1996 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 02.01.2026).

[2] Recommendation Rec(2006)2-rev of the Committee of Ministers to member States on the European Prison Rules (Adopted 11 January 2006; revised and amended 1 July 2020). Strasbourg : Council of Europe, 2020. 26 p.

[3] United Nations Standard Minimum Rules for the Treatment of Prisoners (the Nelson Mandela Rules) : UN General Assembly Resolution A/RES/70/175 (17 December 2015). New York : United Nations, 2015.

[4] Дорожная карта для разработки программ реабилитации в условиях тюрьмы : Серия справочников по вопросам уголовного правосудия / Управление ООН по наркотикам и преступности ; консультант Р. Аллен. Вена : Организация Объединённых Наций, 2018. 80 с.

[5] Бутенко Т. П. Образование осуждённых к лишению свободы: уголовно-исполнительный аспект : монография. Благовещенск : Амурский государственный университет, 2011. 163 с.

[6] Попова В. И. Организация трудовой адаптации осуждённых : учебное пособие. Вологда : ВИПЭ ФСИН России, 2018. 83 с. ISBN 978-5-94991-451-9.

[7] Родионов А. В. Актуальные проблемы реализации уголовно-исполнительной политики в сфере организации труда осуждённых // Уголовно-исполнительное право. 2021. № 1. С. 27–33. DOI: 10.33463/2687-122X.2021.16(1-4).1.027-033.

[8] Wilson D. B., Gallagher C. A., MacKenzie D. L. A Meta-Analysis of Corrections-Based Education, Vocation, and Work Programs for Adult Offenders // Journal of Research in Crime and Delinquency. 2000. Vol. 37, No. 4. P. 347–368. DOI: 10.1177/0022427800037004001.

[9] Davis L. M., Bozick R., Steele J. L., Saunders J., Miles J. N. V. Evaluating the Effectiveness of Correctional Education: A Meta-Analysis of Programs That Provide Education to Incarcerated Adults. Santa Monica, CA : RAND Corporation, 2013. 113 p. (RR-266-BJA). DOI: 10.7249/RR266.

[10] Aos S., Miller M., Drake E. Evidence-Based Adult Corrections Programs: What Works and What Does Not (Preliminary Report). Olympia, WA : Washington State Institute for Public Policy, 2006. No. 06-01-1201. 20 p.

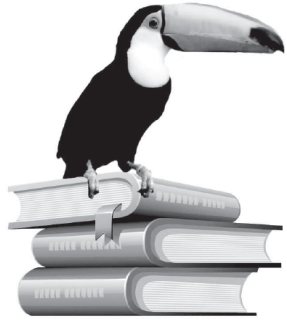
[11] McNeeley S. The Effects of Vocational Education on Recidivism and Employment Among Individuals Released Before and During the COVID-19 Pandemic // International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology. 2023. Mar 14. DOI: 10.1177/0306624X231159886.

[12] Andrews D. A., Bonta J., Wormith J. S. The Risk-Need-Responsivity (RNR) Model: Does Adding the Good Lives Model Contribute to Effective Crime Prevention? // Criminal Justice and Behavior. 2011. Vol. 38, No. 7. P. 735–755. DOI: 10.1177/0093854811406356.

References:

- [1] The Penal Code of the Russian Federation: feder. Law of 08.01.1997 No. 1-FZ: adopted by the State. Duma 18.12.1996 //SPS "ConsultantPlus" (date of appeal: 02.01.2026).
- [2] Recommendation Rec(2006)2-rev of the Committee of Ministers to member States on the European Prison Rules (Adopted 11 January 2006; revised and amended 1 July 2020). Strasbourg : Council of Europe, 2020. 26 p.
- [3] United Nations Standard Minimum Rules for the Treatment of Prisoners (the Nelson Mandela Rules) : UN General Assembly Resolution A/RES/70/175 (17 December 2015). New York : United Nations, 2015.
- [4] Road map for developing rehabilitation programmes in prison: Criminal Justice Handbook Series/United Nations Office on Drugs and Crime; consultant R. Allen. Vienna: United Nations, 2018. 80 s.
- [5] Butenko T.P. Education of those sentenced to imprisonment: criminal-executive aspect: monograph. Blagoveshchensk: Amur State University, 2011. 163 pp.
- [6] Popova V.I. Organization of labor adaptation of convicts: a textbook. Vologda: VIP FSIN of Russia, 2018. 83 pp. ISBN 978-5-94991-451-9.
- [7] Rodionov A. V. Actual problems of the implementation of the penal policy in the field of organization of labor of convicts//Penal law. 2021. № 1. S. 27-33. DOI: 10.33463/2687-122X.2021.16(1-4).1.027-033.
- [8] Wilson D. B., Gallagher C. A., MacKenzie D. L. A Meta-Analysis of Corrections-Based Education, Vocation, and Work Programs for Adult Offenders // Journal of Research in Crime and Delinquency. 2000. Vol. 37, No. 4. P. 347–368. DOI: 10.1177/0022427800037004001.
- [9] Davis L. M., Bozick R., Steele J. L., Saunders J., Miles J. N. V. Evaluating the Effectiveness of Correctional Education: A Meta-Analysis of Programs That Provide Education to Incarcerated Adults. Santa Monica, CA : RAND Corporation, 2013. 113 p. (RR-266-BJA). DOI: 10.7249/RR266.
- [10] Aos S., Miller M., Drake E. Evidence-Based Adult Corrections Programs: What Works and What Does Not (Preliminary Report). Olympia, WA : Washington State Institute for Public Policy, 2006. No. 06-01-1201. 20 p.
- [11] McNeeley S. The Effects of Vocational Education on Recidivism and Employment Among Individuals Released Before and During the COVID-19 Pandemic // International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology. 2023. Mar 14. DOI: 10.1177/0306624X231159886.
- [12] Andrews D. A., Bonta J., Wormith J. S. The Risk-Need-Responsivity (RNR) Model: Does Adding the Good Lives Model Contribute to Effective Crime Prevention? // Criminal Justice and Behavior. 2011. Vol. 38, No. 7. P. 735–755. DOI: 10.1177/0093854811406356.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.